

ГЛАВА 5

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

До 1972 г. за преступления, караемые смертью, в США было по закону казнено порядка 5707 человек.¹ А в 1972 г. приняли историческое решение по делу Фурман против Джорджии (Furman v. Georgia). Большинством голосов (5-4) Верховный суд признал законы о смерти штатов Джорджия и Техас нарушающими восьмую поправку к Конституции, поскольку они предусматривают жестокое и необычное наказание. Для некоторых судей решающим стало отсутствие четких критериев выбора тех лиц, которым из всех «претендентов» на крайнюю меру наказания был вынесен соответствующий приговор.

В период с 1972 г. по 1976 г. тридцать пять штатов привели свое законодательство в соответствие с решением Верховного суда. Второго июля 1976 г. большинством голосов (7-2) суд одобрил большую часть новых законов. Смертная казнь снова приобрела законную силу, и в 1977 г. практику наказания смертью возобновили. Многие предсказывали массовые казни, но этого не произошло. На самом деле, такой приговор в США выносится редко и только после продолжительных судебных поединков. В результате число заключенных в камерах смертников непрерывно растет. К 1992 г. тридцать шесть штатов плюс правительство и вооруженные силы США **had the death penalty**, однако общее число приговоренных в США к высшей мере наказания возросло до 2616 человек.²

Если смертная казнь предусмотрена законом, почему переполнены камеры смертников? Возражения против смертной казни еще продолжают звучать. Апелляционное производство в нашей судебной системе успешно создает существующие сегодня препятствия. Одна из наиболее современных тактик отсрочки (задержки) – это пересмотр на предмет «соизмеримости» (пропорциональности). Несколько лет назад осужденный калифорнийский убийца Роберт Харрис (Robert Harris) потребовал пересмотра верховным судом штата вынесенного ему приговора, чтобы удостовериться в том, что он соизмерим с наказанием, назначенным другим преступникам. В 1976 г., когда своим решением Верховный суд вновь узаконил смертную казнь, нижестоящие суды выносили постановления после проведения пересмотра на предмет соизмеримости. С тех пор подобного рода пересмотры стали неотъемлемой частью судебной процедуры. К 1983 г. в тридцати семи штатах они в той или иной форме вошли в процедуру вынесения приговора. Такие пересмотры отсрочивают исполнение приговора, но их исключение из процедуры может стать основанием для отмены наказания даже тем, кто уже осужден за убийство.³

Страсти продолжают накаляться. Одна из последних глав была написана Верховным судом 22 апреля 1987 года. При соотношении голосов 5-4 суд постановил, что расовая дискриминация при вынесении смертного приговора не является достаточным основанием для того, чтобы ставить под сомнение конституционность законов о смертной казни. Статистика показывает, что, по сравнению с представителями европейской расы, темнокожие имеют более высокие шансы быть осужденными и приговоренными к смертной казни, особенно в случае, если пострадавший – обладатель светлой кожи, а убийца – темной. В ситуации, когда темнокожий страдает от руки темнокожего, вероятность осуждения минимальна. Согласно решению суда, подобное неравенство не лишает силы законы о смертной казни.

Из-за сохраняющейся озабоченности по поводу дискриминационного (избирательного) применения смертной казни и в результате принятого в 1987 г. постановления Верховного суда был сформулирован закон (S. 1696) о расовой справедливости. Законодательно предлагается «запретить любому штату выносить приговор

¹ перевести

² перевести

³ перевести

о смертной казни, если обвиняемый может предоставить статистические доказательства присутствия элементов расового неравенства при вынесении смертных приговоров в данном штате».⁴ Основная цель – не отменить смертную казнь вообще, а при наличии доказательств, достаточных для вынесения приговора о смерти как светло-, так и темнокожему преступнику, обеспечить исполнение этого приговора в отношении обоих осужденных. Равным образом, если в аналогичных случаях суд не признаёт виновным или не приговаривает к смертной казни представителя европейской расы, так же следует поступить и с обладателем темного цвета кожи. Несмотря на то, что цель разработки данного закона представляется достойной восхищения, возникает вопрос, не приведет ли он в реальности к увеличению числа оснований для отсрочки исполнения приговора, пока не будет точно установлено, что в решении суда о присуждении высшей меры наказания полностью отсутствует элемент дискриминации.

До сих пор с принятием указанного закона Конгресс не спешил. В Сенате его переименовали в закон о расовой справедливости/беспристрастности при вынесении приговора о смертной казни, но включили в сводный законопроект Сената о преступности. Разногласия, препятствующие принятию этого законопроекта, возникли по таким вопросам, как продажа, покупка и владение оружием, и за 1992 год, год выборов, он не прошел. В нижней палате Конгресса результат был не более успешным. Законопроект обсудили и внесли в него **substitute** поправку, получившую название «закон о беспристрастности при вынесении смертного приговора».⁵ И все-таки к 1992 г. этот законопроект Конгресс так и не принял.⁶

Помимо дебатов по поводу законности и моральной допустимости смертной казни, обсуждается также вопрос о надлежащих способах казни. В 1888 г. ввели казнь на электрическом стуле, а в 1924 – умерщвление газом. В 1983 г. в девяти штатах было принято решение об использовании смертельной инъекции.⁷ Эта новая процедура вызвала неоднозначную реакцию. Высказывалось мнение о чрезмерной гуманности такого способа, особенно для преступников, на счету которых целая серия жестоких убийств. С другой стороны, в 1981 г. на своем очередном ежегодном собрании Американская медицинская ассоциация рассматривала следующее предложение: «Как представитель профессии, призванной к спасению/сохранению жизни при наличии любой (минимальной) возможности, врач не должен принимать участие в узаконенной казни». Врачи приняли эту резолюцию, заявив, что введение смертельной инъекции противоречит содержанию данной ими клятвы Гиппократова.⁸

Во всем мире наблюдается нарастающая тенденция к запрету на смертную казнь. В Англии, например, еще в 1800 г. более двухсот преступлений считались заслуживающими наказания смертью. Тем не менее, в двадцатом веке смертную казнь в Британии признали незаконной. В период с 1970 г. по 1980 г. то же самое сделали страны Западной Европы. К 1980 г. двадцать стран мира ввели полный запрет на смертную казнь.⁹ Примерно в 134 странах эта мера наказания сохранилась, однако, в двенадцати из них перестали караться смертью так называемые общеуголовные преступления. К 1992 г. число стран и территорий, где смертная казнь сохранила законную силу, снизилось до 106. Около сорока шести стран отменили ее как меру наказания вообще. Еще в шестнадцати странах ею перестали карать за общеуголовные преступления и оставили только для исключительных случаев, например, за военные преступления или на период ведения войны. В дополнение к этому, еще в двадцать одной стране смертная казнь упразднена *de facto*, т.е. она предусмотрена законом в качестве

⁴ перевести

⁵ перевести

⁶ перевести

⁷ перевести

⁸ перевести

⁹ перевести

наказания за общеуголовные преступления, но за последние десять или более лет ни разу не применялась.¹⁰

Невзирая на отдельные страны, сохранившие смертную казнь в силе, в декабре 1977 г. примерно двести делегатов из пятидесяти пяти стран со всех континентов собрались в Стокгольме (Швеция) на международную конференцию, посвященную отмене смертной казни. На ней подавляющим большинством голосов была принята декларация, содержащая обращение к правительствам всех стран с просьбой упразднить (лишить законной силы) смертную казнь, а ООН – признать это меру наказания противоречащей международному праву.¹¹

Актуальность вопроса о смертной казни высока во всем мире, но наиболее оживлено его обсуждают в странах Запада. Дискуссия по данной проблеме охватывает целый ряд аспектов, а именно: 1) Допустима ли смертная казнь? 2) Является ли смертная казнь обязательной? 3) За какие преступления, в случае допустимости или обязательного применения смертной казни, следует карать смертью? 4) Какими способами, в случае применения смертной казни, допустимо исполнять этот приговор?

В данной главе мы, в первую очередь, сосредоточимся на двух первых вопросах. Наша цель – рассмотреть их с морально-этической, а не юридической точки зрения. Это значит, что предметом для анализа будет не содержание законов той или иной страны, а нравственная приемлемость тех или иных действий. Несмотря на всю сложность и многоаспектность проблемы, наиболее обоснованным нам представляется мнение об обязательном применении (обязательном характере) смертной казни. Вместе с тем, число преступлений, заслуживающих этой меры наказания, на наш взгляд, весьма ограничено, а вынесение соответствующего приговора требует соблюдения строжайших норм и правил.

ВНЕБИБЛЕЙСКИЕ АРГУМЕНТЫ

ДОВОДЫ ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Сдерживание устрашением

Часто смертную казнь отвергают по целому ряду причин как бесполезное сдерживание преступности путем устрашения. Обратимся, например, к статистике. Данные по США на период 1967-68 гг. свидетельствуют о том, что в штатах, упразднивших смертную казнь, количество тяжких убийств первой степени было ниже, чем в тех штатах, где данную меру наказания оставили в силе. С 1920 г. по 1955 г. в Мичигане, первом штате, отказавшемся от применения смертной казни, убийств было совершено меньше, чем в Огайо и Индиане, где наказание смертью сохранилось. Кроме того, с 1917 г. по 1919г. смертную казнь отменили в Миссури. До отмены и после восстановления количество убийств неуклонно возрастало; в период же, когда смертная казнь была объявлена вне закона, наблюдалось стабильное сокращение числа совершаемых убийств.¹² О похожих данных сообщалось и в других странах. Например, в 1967 г. Канада приняла решение об отмене смертной казни сроком на пять лет. За время эксперимента число насильственных преступлений, ранее караемых смертью, не увеличилось. В результате в Канаде был установлен постоянный запрет на смертную казнь.¹³

Помимо данных статистики, существует мнение о том, что главный вопрос заключается не в степени действенности смертной казни как способа сдерживания преступности путем устрашения, а в том, является ли эта мера наказания более эффективной,

¹⁰ перевести

¹¹ перевести

¹² перевести

¹³ перевести

чем пожизненное заключение.¹⁴ Противники смертной казни либо заявляют, что пожизненное заключение более действенно, либо утверждают, что доказать более высокую эффективность смертной казни как сдерживающего средства невозможно.

В-третьих, некоторые отмечают, что действенная сила того или иного средства удерживания определяется в большей степени фактором уверенности в том, что тебя поймают, чем строгостью возможного наказания. Таким образом, при наличии уверенности в задержании и назначении наказания, штраф или тюремное заключение по своей эффективности не уступают или даже превосходят смертную казнь. Это, естественно, подразумевает, что от совершения преступления удерживает не смертная казнь как таковая.¹⁵

В-четвертых, убийство - это, как правило, преступление страсти, совершаемое в порыве гнева без заранее обдуманного умысла.¹⁶ О последствиях убийца не думает; он просто действует. А поскольку мысль о возможном наказании смертью его не занимает, то и удержать его от совершения преступления она не может.

И, наконец, есть мнение, что даже если смертная казнь и является действенным сдерживающим средством, то это никак нельзя доказать. Статистика всегда отражает количество уже совершенных убийств, однако представьте, сколько их не совершается. Что удерживает «несостоявшихся» преступников от совершения убийства? Способа установить, в скольких случаях возможное наказание смертью обусловило отказ от совершения убийства, еще никто не придумал.¹⁷ Но если доказать, что от убийства человека удержала перспектива смертной казни, невозможно, называть это меру наказания сдерживающим средством не стоит.

Наказание как кара

Другая серия доводов против смертной казни обращается к понятию кары или возмездия. Как сдерживание (посредством устрашения), так и кара могут служить основой для пенитенциарной системы (системы пенитенциарных, карательных-исправительных учреждений) и тем самым служить обоснованием для смертной казни. Сдерживание отвергается по причинам, обозначенным выше. Неприятие кары обусловлено целым рядом причин. Например, многие возражают против кары, усматривая в ней всего лишь узаконенную месть. Христианам строго предписывается воздерживаться от мести (Римлянам 12:17-21; 1 Петра 3:9). Более того, даже нехристиане не приемлют наказание, основанное на воздаянии, поскольку оно сводит общество до уровня преступника, который действовал в порыве гнева, не владея собой. Некоторые даже заявляют, что смертная казнь противоречит замыслу, на реализацию которого карательная мера направлена. Применение смертной казни преследует цель подчеркнуть высокую ценность жизни. Лишая жизни другого человека, сторонник наказания как кары фактически противоречит своему желанию внушить уважение к жизни.

Для возражений против смертной казни имеются и более глубокие основания. По мнению сторонников такого вида наказания, морально виновные должны пострадать. Это значит, что карающее правосудие имеет в своей основе два ключевых принципа: 1) наказывать допустимо только тех, кто совершил моральный проступок добровольно; и 2) наказание не должно быть более строгим, чем то, которое предусмотрено за совершение данного преступления.¹⁸ Первый принцип защищает от обвинения тех, кого совершает проступок по принуждению и неумышленно (возможно, даже по неведению) нарушает закон. Второе положение гласит о необходимости назначения наказания, соответствующего совершенному преступлению. Если для карающего правосудия два упомянутых принципа

¹⁴ перевести

¹⁵ перевести

¹⁶ перевести

¹⁷ перевести

¹⁸ перевести

являются основополагающими, многие усматривают в этом серьезные проблемы. Например, как любой судья или присяжные могут быть абсолютно уверены в отношении цели, которую обвиняемый преследовал своими действиями? Даже если обвиняемый сам сообщает о своем умысле, нет никакой гарантии, что он говорит правду или вообще осознает, что на самом деле толкнуло его на совершение преступления. Как, в таком случае, мы можем быть уверены в виновности или невиновности любого обвиняемого?

Еще более проблематичен второй принцип. Откуда, кому бы то ни было, может быть известно наверняка, как надлежит наказывать за каждое преступление? Какое наказание, к примеру, полагается за кражу в крупных размерах – пять лет, десять лет или что? Более того, как дать на эти вопросы обоснованный ответ? Некоторые говорят, что соблюдение второго (2) принципа обеспечивается практикой назначения одинакового наказания за аналогичные преступления. Но это не обязательно так, поскольку все равно требуется определить, какое наказание за рассматриваемое преступление является справедливым. Последовательное применение принципа аналогии (одинаковое наказание за аналогичные преступления) позволяет оправдать вопиющую жестокость посредством истязания *всех*, кто совершил одинаковые преступления.

Другие говорят, что, если правосудие основано на Божьих законах, мы можем не сомневаться в соизмеримости наказания совершенному преступлению. Тем не менее, как утверждает Августин, Божий суд совершенен, а человеческий (государственный) – нет. Для многих преступлений Бог не установил меру наказания. Во многих случаях человек просто не может быть уверен в адекватности наказания или даже виновности обвиняемого.¹⁹ Более того, некоторые Божьи предписания представляются слишком строгими. Не чрезмерно ли жестоко предавать смерти за прелюбодеяние (левит 20:10), изнасилование (Второзаконие 22:25), избиение и оскорбление родителей (исход 21: 15, 17), или инцест (Левит 20:11-13)? С другой стороны, если Бог и религия перестанут служить основой для преставлений человека о правосудии, знание истинного правосудия вряд ли возможно. Это особенно справедливо в случае нежелания определять правосудие (справедливость) в терминах того или иного создаваемого общественного блага (сторонники наказания как кары делать это отказываются).²⁰ Исключение из основы для определения правосудия таких критериев (аспектов) как общественная ценность или религия приводят к мысли о произвольности оценки того, какое наказание (за преступление) является справедливым.

В свете подобных аргументов наказание как кара не признается в качестве цели пенитенциарной системы. Более того, отвергается и сдерживание устрашением. Остается два единственно возможных варианта: это – реабилитация и восстановление (реституция), но в случае смертной казни обе эти цели утрачивают свою актуальность. Из этого следует, что смертная казнь неприемлема.

Жестокое и необычное наказание

Третий аргументационный подход связан с постановлением Верховного суда 1972 года. Суд пришел к выводу, что смертная казнь в том виде, в котором она применялась тогда, нарушает восьмую поправку к Конституции, поскольку представляет собой жестокое и необычное наказание. Противники смертной казни заявляют, что, несмотря на восстановление в США данного вида наказания и несмотря на так называемые более гуманные способы умерщвления, карать смертью всегда жестоко и необычно.

В ответ можно услышать, что количество казней за преступления, караемые смертью, на протяжении ряда лет свидетельствует об обычности смертной казни. Более того, при условии, что преступник не подвергается пыткам и истязаниям, это наказание не обязательно является жестоким. Смерть от инъекции считается относительно безболезненной.

¹⁹ перевести

²⁰ перевести

На это противники смертной казни заявляют, что слово «жестокий» традиционно употребляется в значении «намеренно причиняющий боль или вред (травму). В этом смысле обсуждаемый вид наказания является жестоким. Аналогичным образом его можно охарактеризовать и с точки зрения душевных страданий, причиняемых семье осужденного. Более того, если под «жестоким» подразумевается наказание, не имеющее оправдания, то наказание смертью – это, безусловно, проявление жестокости.²¹

Это фактически актуализирует важнейший вопрос. Можно ли смертную казнь считать жестокой и необычной в том смысле, что она неоправданна? Многие отвечают на него утвердительно, ибо, по их мнению, ни сдерживание устрашением, ни воздаяние не служат оправданием для применения такого вида наказания. К тому же, несмотря на многовековое положительное отношение общества к смертной казни как должной мере наказания за определенные преступления, критерии оценки правильности (действий) со временем меняются. В современном обществе существует определенное моральное неприятие убийства как наказания за преступление. С этой точки зрения смертная казнь считается чрезмерным наказанием.²²

Другие проблемы

Наиболее часто обеспокоенность вызывают два момента. Во-первых, по данным статистики в применении смертной казни в США наблюдается необоснованная дискриминация меньшинств и малообеспеченных граждан. В период с 1930 г. по 1957 г. более половины от общего числа казней в США по приговору за убийство приходилось на долю представителей не европейской расы (1554 из 3096), а на Юге страны наказание смертью понесли вдвое больше темнокожих, чем белокожих преступников.²³ Из всех людей, казненных по закону в США в период с 1930 г. по 1980 г., около 53,3 процентов составляли обладатели темного цвета кожи, хотя доля темнокожего населения Соединенных Штатов на тот период времени равнялась всего лишь примерно 10 процентам от общего населения страны.²⁴ Статистика также свидетельствует о низкой вероятности назначения наказания за преступление, караемое смертной казнью, богатым людям, поскольку они могут позволить себе воспользоваться услугами опытного юрисконсульта/адвоката. Бедные могут рассчитывать на более скромное юридическое представительство и имеют намного более высокие шансы быть приговоренными к смерти, даже в случае их невиновности.²⁵ Подобная дискриминация при вынесении смертного приговора служит доводом в пользу отмены смертной казни.

Во-вторых, противники смертной казни указывают на то, что ни судья, ни присяжные не застрахованы от ошибки. Человеку свойственно ошибаться. Выносимые судом решения могут быть основаны на скудных или спорных доказательствах. Слишком часто имели место случаи, когда людей по ошибке обвиняли, назначали незаслуженное наказание и приговаривали к смертной казни. К сожалению, при наличии доказательств невиновности осужденного на смерть человека восстановить справедливость после исполнения вынесенного приговора не представляется возможным. Насколько более благоразумно, в таком случае, сделать пожизненное заключение высшим пределом наказания! По крайней мере, это дает заключенному шанс на освобождение, если будет признан факт судебной ошибки.

АРГУМЕНТЫ В ПОДДЕРЖКУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Смертная казнь и сдерживание устрашением

²¹ перевести

²² перевести

²³ перевести

²⁴ перевести

²⁵ перевести

Наряду с утверждением о неэффективности смертной казни как способа сдерживания преступности, существует мнение, что это обусловлено уверенностью преступников в США в том, что их вряд ли осудят за преступление, караемое смертью, и уж тем более казнят. Однако, в случае неотвратимости вынесения подобного приговора и его последующего незамедлительного исполнения, цифры могли бы быть совсем другими.²⁶ Более того, некоторые утверждают, что вопрос полностью не ограничивается тем, удерживает или не удерживает смертная казнь от совершения преступления. Она, бесспорно, устрашает человека, который уже совершил преступление, предусматривающее такое наказание. В этом отношении (что чрезвычайно важно для безопасности общества) смертная казнь – довольно действенное сдерживающее средство.

Кроме того, сторонники мнения об эффективности смертной казни как средства устрашения обращают внимание на то, что их оппоненты до сих пор не доказали обратного. По утверждению Стивена Гольдберга (Steven Goldberg), главное – ответить на вопрос, что не дает совершить тяжкое преступление всем нам, кто воздерживается от подобного криминала. По этому поводу противники смертной казни высказываются редко, но пока они не предоставили соответствующего альтернативного объяснения, их возражения против смертной казни как сдерживающего средства принять трудно.²⁷ В качестве аргумента против обсуждаемой меры наказания приводится статистика, свидетельствующая о том, что по сравнению со странами, где смертная казнь отменена, в странах, где она сохранилась в силе, убийств совершается больше. Тем не менее, подобная статистика не объясняет причину, по которой потенциальные убийцы воздержались от совершения преступления. Представляется практически невозможным показать, что это решение обусловлено исключительно отсутствием в данной стране смертной казни как меры наказания. Более того, как утверждает Гольдберг, даже если в стране со смертной казнью убийств совершается вдвое больше, чем там, где подобное наказание законом не предусмотрено, это не доказывает неэффективности смертной казни как сдерживающего средства. И без смертной казни число убийств в стране может быть вчетверо выше, чем в государстве, где эта мера наказания имеет законную силу.²⁸ Очевидно, что статистические данные не служат доказательством бездейственности смертной казни как фактора сдерживания, а у противников данной меры наказания нет ни одного жизнеспособного объяснения относительно того, что помешало совершить преступление тем, кто его не совершил.

Взвесив все за и против, мы приходим к выводу о неубедительности исследованных доказательств. Аргументы, приводимые Гольдбергом, ставят под сомнение заявление о неэффективности смертной казни как меры сдерживания, но и не доказывают обратного. Более того, доказать или опровергнуть тезис о более высокой, по сравнению с пожизненным заключением, действенности смертной казни как способа сдерживания, наверное, вряд ли возможно. Каким образом можно получить неопровержимые доказательства более высокого психологического предупредительного значения первого или второго способа наказания даже на небольшой (статистической) выборке преступников, не говоря уже о большинстве случаев? Если доводов, в конечном итоге, не достаточно, доказать правильность/обоснованность или неправильность/необоснованность смертной казни на основании ее способности или неспособности служить сдерживающим средством, нельзя. Для нас это малозначимо, поскольку мы полагаем, что для оправдания смертной казни имеются иные основания. Предупредительный аспект наиболее значим для тех, кто рассматривает сдерживание как цель пенитенциарной системы. Для тех, кто, подобно нам, целью пенитенциарной системы видит правосудие, в проблеме наказания актуальным оказывается вопрос о воздаянии или каре, а не о сдерживании.

²⁶ перевести

²⁷ перевести

²⁸ перевести

Смертная казнь и карательная функция наказания

Обоснование приемлемости наказания как кары – дело не из легких, однако на одни возражения ответить легче, чем на другие. Например, в ряде случаев воздаяние может носить характер мести, но месть и кара – не одно и то же. Одними может двигать желание поквитаться с преступником или «воздать ему сторицей», а другими – заставить виновного понести заслуженное наказание. Более того, по словам сторонников смертной казни, требование смертного приговора за совершение убийства скорее утверждает, чем отрицает высокую ценность жизни. Отношение к жизни как чему-то настолько малозначимому, что убийство влечет за собой лишь минимальное наказание, лишает жизнь ее ценности. Наказание же преступника смертью за убийство подчеркивает всю серьезность совершенного им деяния и высокое значение жизни.

Помимо ответов на высказываемые возражения, существуют и определенные конкретные доводы в поддержку карающего правосудия. Первый из них обращается к преимуществам общественной жизни. Согласно данному аргументу, возможность пользования преимуществами правовой системы требует от человека определенной жертвы. Он должен соблюдать законы системы даже вопреки собственному желанию. Такой механизм, однако, исключает возможность получения несправедливого преимущества правонарушителей над законопослушными гражданами. Эта цель достигается путем наказания тех, кто нарушает закон. Конечный итог таков, что карающее правосудие должно осуществляться в условиях общества.²⁹

Другой аргумент затрагивает еще более фундаментальный вопрос. А именно, как определить, какие поступки должны караться законом? Иначе говоря, на чем в целом основаны закон/право и наказание? По нашему мнению, закон и наказание, в конечном итоге, отражают этику как систему моральных принципов. То есть, в общем, цель написания законов – установление запрета на действия, рассматриваемые обществом как нарушающие мораль (аморальные). Так, нарушение законов государства есть одновременно и нарушение лежащего в их основе нравственного закона. А нарушители нравственного закона должны, как мы полагаем, понести наказание. Все это, впрочем, служит дополнительным обоснованием для практического осуществления государством карающего правосудия в случае нарушения законов.³⁰

Полноценное обоснование карающего правосудия требует ответов еще на два ключевых вопроса: 1) чья мораль должна стать основой для правовой системы общества? 2) определив, какие действия носят противоправный характер, как убедиться в справедливости предполагаемых мер наказания за нарушение закона?³¹ Ответы моралистов зависят от поддерживаемой ими общей теории этики. Это предполагает, что в современных плюралистических обществах надежда на достижение общего согласия по обсуждаемым вопросам минимальна. Исходя из принимаемой нами измененной этической теории божественного повеления, мы считаем, что пока в основу карающего правосудия не будет положена религия и богословие, оправдать его в полной мере невозможно. Иначе говоря, Божьи повеления (в конечном итоге, происходящие из природы Бога) вскрывают противоправный характер действий, которые подлежат запрету и заслуживают наказания. Что касается второго вопроса, то не во всех, но в отдельных случаях Бог назначил конкретное наказание за нарушение данных Им заповедей. Если наказание установлено Богом, его вполне законно можно назвать справедливым, ибо Бог праведен. Как будет показано ниже, Писание отражает Божий взгляд на убийство, а также предписывает за его совершение определенное Богом наказание. Таким образом, смертную казнь за убийство можно считать обоснованной, так как эту меру наказания назначил Бог.

²⁹ перевести

³⁰ перевести

³¹ перевести

Жестокое и необычное наказание

Формулировка «жестокое и необычное наказание» допускает целый ряд разнообразных толкований. «Жестокое и необычное» можно определить так, что под это определение будет попадать любое наказание. С другой стороны, определенные подвижки в этом вопросе, как кажется, возможны. Наиболее полезно здесь обратиться к рассуждениям Томаса Лонга (Thomas Long).

По замечанию Лонга, восьмая поправка к Конституции направлена на решение вопроса о достойном характере наказания. Основной вопрос заключается в том, не противоречит ли смертная казнь современным представлениям о том, что является нравственно допустимым.³² Определенные виды наказания, такие как пытка, будут, несомненно, расценены как жестокие. Жестоко было бы карать смертью за преступление, совершенное по принуждению. И, наконец, наложение наказания в виде смертной казни можно считать жестоким в том случае, если оно является очевидно более строгим, чем того заслуживает совершенное преступление (например, смертный приговор за обман родителей).

Несмотря на приведенные примеры жестоких наказаний (если, конечно, по причине жестокости не исключать все способы наказания), некоторые виды наказаний жестокими не являются. Так, казнь посредством смертельной инъекции за убийство первой степени жестоким способом наказания, по мнению многих, назвать нельзя. Ключевой момент в обсуждении данного вопроса, однако, заключается в следующем: если пенитенциарная и судебная системы преследуют цель совершения правосудия, то без наказания здесь не обойтись. За совершение преступлений, которые по закону могут караться смертью, наказывать также необходимо. По нашему мнению, *противники*, как минимум, в той же мере, что и сторонники смертной казни, должны доказать свою позицию в отношении аспекта жестокости данного вида наказания. Убедить в нравственно недостойном характере всех способов смертной казни за убийства любой степени тяжести представляется безнадежной задачей.

Теперь обратимся к вопросу о необычности смертной казни. Если рассматривать «необычный» в значении «редко применяемый», то смертная казнь необычной не является. Конечно, такое упрощенное понимание слова «необычный» допускает возможность постоянных истязаний и пыток при условии, что это обычный способ обращения с преступниками. Морально это оправдать нельзя. А вот другой смысл рассматриваемого прилагательного (а именно, «неразумный») в данной дискуссии более уместен. По утверждению Томаса Лонга, смертная казнь необычна в том случае, если она не служит некой разумной цели. Более того, неразумность («иррациональность») смертной казни одновременно подразумевает ее жестокость.³³

Что же можно считать разумной целью применения смертной казни? Удерживание устрашением. Однако недоказуемость способности смертной казни служить способом достижения этой цели, по логике, свидетельствует о неразумности данного вида наказания.³⁴ Более того, смертная казнь также не решает задач ни реабилитации, ни восстановления, а, следовательно, и в этих случаях требованию разумности не отвечает.

Сторонники мнения о разумности смертной казни могут воспользоваться одним из двух аргументационных подходов. Во-первых, возможно утверждение о реализации посредством смертной казни карательной функции наказания. Эта цель достигается, что, согласно определению Лонга, говорит о разумности наказания смертью. Остается лишь выяснить, можно ли оправдать наказание как кару, а возможность такого обоснования мы уже показывали.

Во-вторых, для некоторых демонстрация фактического достижения намеченной цели как доказательства разумности смертной казни может оказаться неприемлемой, поскольку

³² перевести

³³ перевести

³⁴ перевести

подобная стратегия основана на положениях консеквенциализма. К примеру, приверженец той или иной формы теории божественного повеления будет настаивать на разумности смертной казни на том основании, что ее предусматривает Бог, а не потому, что она обеспечивает достижение тех или иных результатов. Фактически, для любого нон-консеквенциалиста подход, постулирующий достижение намеченной цели в качестве единственного критерия рациональности смертной казни, должен быть малопривлекательным.

Обсуждение проблемы смертной казни, как обычно, имеет двоякий итог: 1) если следовать консеквенциалистскому подходу, постулирующему достижение некой полезной цели в качестве единственного критерия разумности применения смертной казни, то смертная казнь необычной не является, так как реализует карательную функцию наказания. С другой стороны, 2) нон-консеквенциалисты могут настаивать на том, что наказывать смертью разумно, например, на том основании, что ее применение обеспечивает исполнение Божьего повеления, а исполнять то, что повелел Бог – разумно всегда. И в том, и в другом случае, смертная казнь отвечает требованию рациональности, и, таким образом, может быть признана обычной.

Другие проблемы

Другие возражения, по сути, относятся к вопросу о способах исполнения (приведения в действие) смертного приговора, а не к проблеме обоснованности или необоснованности смертной казни как таковой. Статистика, свидетельствующая о дискриминации малообеспеченных граждан и меньшинств, вызывает глубокое сожаление. Тем не менее, наличие дискриминации не служит доказательством нравственной предосудительности наказания смертью, а говорит о необходимости изменения судебной системы, так чтобы она обеспечивала справедливое вынесение смертного приговора. Надлежащий или ненадлежащий способ исполнения того или иного наказания ни в коей мере не характеризует само наказание как морально правильное/справедливое или ошибочное.

Подобным образом, случаи последующего оправдания людей, осужденных за убийство, не доказывают, что наказывать смертью неправильно по сути. Они лишь указывают на необходимость предоставления более убедительных, по сравнению с требуемыми судом сегодня, доказательств вины подсудимого. Как мы увидим, требования во времена Ветхого Завета отличались большей строгостью, чем в наше время. При соблюдении (там, где это возможно) ветхозаветных критериев сегодня, приговоренных к смертной казни было бы, вероятно, совсем немного. И хорошо. Лучше приговоров будет меньше, но в каждом конкретном случае вина подсудимых не будет вызывать никаких сомнений. И все же главное заключается в том, что потенциальная или фактически допущенная (судом) ошибка не может служить основанием для вывода о справедливости или несправедливости применения смертной казни.

БИБЛЕЙСКИЕ АРГУМЕНТЫ

ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Герменевтические доводы

Джон Йоудер (John Yoder) утверждает, что зачастую сторонники смертной казни герменевтически непоследовательно толкуют Священное Писание. Они утверждают окончательность Христа и Нового Завета, но при исследовании вопросов гражданского устройства, таких как смертная казнь, продолжают обращаться к Ветхому Завету. Более того, непоследовательность наблюдается и при обращении к самому Ветхому Завету. Защитники смертной казни признают ветхозаветные законы о наказании человека смертью за убийство

человека, но отвергают постановления о предании смерти животных (Бытие 9:5; Исход 21:28), ворожей, прелюбодеев и непокорных детей (Исход 22:18; Левит 20:10; Исход 21:15, 17). Более того, они игнорируют правила о городах-убежищах для тех, кто совершил непредумышленное убийство, и не настаивают, чтобы смертный приговор был приведен в действие ближайшим родственником наказуемого убийцы (Бытие 9:5). Зачем, требуя обязательного исполнения закона Моисеева, исключать из него предписания о субботе, об исцелении от проказы, о рабстве или раздельном ношении одежды из шерсти и льна (Второзаконие 22:11).³⁵ Если все они на сегодня утратили свою актуальность, почему это утверждение не распространяется на закон о смертной казни? Четких герменевтических критериев определения актуальности или неактуальности тех или иных ветхозаветных предписаний для условий современности у сторонников смертной казни нет.

Во-вторых, при толковании вопроса об актуальности Ветхого Завета для современных условий следует помнить, что новозаветный период характеризуется отсутствием теократии. В ветхозаветном Израиле этнический, гражданский, географический и религиозный аспекты общественной жизни были слиты воедино. Сегодня народ Божий состоит из представителей разных этнических групп, а у власти стоят язычники. Весь контекст общественной и духовной мысли изменился настолько, что взять и попросту перенести законы Ветхого Завета в Новую эру – и невозможно, и неправильно.³⁶

И, наконец, по убеждению Йодера, функция смертной казни, как она изложена, например, в Бытие 9, заключается не в защите общества, а в искуплении греха перед Богом. Конечно, в Новой эре жертва Иисуса Христа отменила все жертвы умилоствления. Искупление греха стало возможным без каких-либо кровных жертв, в том числе и жертвы самого человека, совершившего убийство.³⁷

Смертная казнь и закон Христов

Несмотря на то, что Новый Завет отменяет собой Ветхий, смертная казнь должна остаться в силе, если Новый Завет прямо ее предписывает. Есть мнение, что в новозаветный период закон Моисеев теряет силу, уступая место закону Христову, ибо Христос есть конец (исполнение и цель) закона (Римлянам 10:4). Противники смертной казни подчеркивают тот факт, что закон Христов – это любовь. Библия предписывает верующим любить ближних и служить им (сравни Матфея 22:37-40; 25:31-46; 1 Иоанна 3:18; 4:12, 20). Более того, своих врагов верующие должны любить, а не казнить (Матфея 5:43-44). Мстить запрещается (Римлянам 12:17-19; 1 Петра 3:8-9). От нас требуется прощать обидчиков. Высказываясь о *lex talionis*, Иисус открыто заменил воздаяние принципом примирения (Матфея 5:23-24). Все это полностью исключает смертную казнь.³⁸

Библейский акцент на милости

Другое возражение обращается к библейским примерам проявления милости. Каин, Давид и Моисей совершили убийство преднамеренно, а не случайно, но Бог смиривался над ними. В дальнейшем Давид и Моисей служили Господу и принесли обильный плод. Глядя на эти примеры Божьей милости и восстановления (реабилитации) человека, как мы можем не проявлять милость к тем, кто осужден за тяжкие преступления? Как минимум, эти примеры показывают, что даже при допустимости смертной казни ее применение не является строго обязательным.

Примеры милосердного отношения есть и в Новом Завете. Наиболее известный из них мы находим в Иоанна 8:1-11. Ко Христу привели женщину, взятую в прелюбодеянии. По

³⁵ перевести

³⁶ перевести

³⁷ перевести

³⁸ перевести

закону она должна была быть предана смерти (Левит 20:10; Второзаконие 22:21, 24). Однако Иисус предложил тем, кто без греха, первыми бросить в нее камень. Когда обвинители разошлись, Иисус сказал женщине: «... и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши». Противники смертной казни подчеркивают значимость этого отрывка. Это тот самый случай, когда Иисус подтвердил допустимость применения смертной казни, но не потребовал ее.³⁹

Ветхозаветный порядок вынесения смертного приговора

Другой библейский аргумент против смертной казни ссылается на ветхозаветный порядок судопроизводства. Дэвид Льюэллин (David Lewlynn) выделяет пять ключевых аспектов вынесения смертного приговора по закону Моисееву. Данные процедуры были нацелены на предотвращение судебной ошибки. При использовании ветхозаветных критериев сегодня современная практика смертной казни была бы признана «вне закона».

Вот пять упомянутых моментов: 1) Абсолютная уверенность в виновности подсудимого при вынесении приговора (Второзаконие 17:4). Это более строгое требование по сравнению с американским правилом о доказанности при отсутствии обоснованного в ней сомнения. 2) Недостаточность показаний только одного свидетеля для признания подсудимого виновным (Второзаконие 19:15; Числа 35:30). Учитывая необходимость в надежных доказательствах, эти свидетели, вероятно всего, были очевидцами рассматриваемых преступлений. Более того, поскольку побивать камнями преступника предписывалось, прежде всего, свидетелям (Второзаконие 17:7), можно предположить, что свидетель вряд ли с готовностью поднял бы руку на обвиняемого, не будь он доподлинно уверен в его виновности. 3) С целью пресечения попыток «подставить» человека под обвинение, за лжесвидетельство в делах о преступлениях, караемых смертью, также была предусмотрена смертная казнь (Второзаконие 19:16, 19). 4) В затруднительных случаях для вынесения вердикта дело передавали профессиональным (признанным) судьям (Второзаконие 17:8, 9). В этом состоит отличие от американской системы, где решение все равно остается за присяжными, которые зачастую не обладают правовой компетентностью. 5) При обвинительном вердикте смертный приговор подлежал обязательному исполнению (Левит 27:29; Числа 35:31). Смягчения наказания не допускалось. Это исключало дискриминационный аспект из процедуры по вынесению смертного приговора; т.е. обеспечивало равное отношение ко всем, кто признан виновным, независимо от их социального положения.⁴⁰

При таком порядке, осужденных по закону Моисееву было, несомненно, меньше, чем тех, кто признается виновным в рамках других, подобных действующей в Америке, систем судопроизводства. По мнению противников смертной казни, если ее применение действительно соответствует Божьей воле, то данное наказание должно налагаться в соответствии с Божьими требованиями. В любом другом случае смертную казнь следует запретить.

Анализ ключевых библейских текстов

Выступающие против смертной казни понимают, что обозначенные выше аргументы не достаточны, чтобы опровергнуть четкие библейские предписания о применении наказания смертью. «Мандат» на подобную практику, как полагают многие, гарантируют Бытие 9 и Римлянам 13, однако противники обсуждаемой меры наказания считают данные тексты неубедительными.

Что касается девятой главы книги Бытие, то противники смертной казни обвиняют своих оппонентов в том, что, сосредотачиваясь на стихе 6, они не принимают во внимание

³⁹ перевести

⁴⁰ перевести

предписания в стихах 4-5. В стихе 4 содержится четкий запрет на употребление в пищу мяса с кровью, а в стихе 5 – требование смерти для животных, погубивших людей. Исполнения этих постановлений никто не требует, но тогда, если быть последовательным, не стоит придавать значения и повелению о смертной казни.⁴¹

Во-вторых, утверждения в Бытие 9:5-6 могут носить характер предсказания, а не предписания. Иначе говоря, возможно, что данный текст скорее просто предсказывает перспективу наказания смертью для убийц, чем требует их казни. Языковой анализ однозначного ответа не дает, так как используемая в стихах 5-6 глагольная форма может быть формой как повелительного, так и изъявительного наклонения. Учитывая последствия признания этого отрывка установлением, тезис о его предписывающем характере требует более явного доказательства.⁴²

И, наконец, и Бытие 9, и закон Моисеев требуют, чтобы наказуемый убийца был предан смерти его кровным родственником. Кстати, Бытие 9:5 предписывает, чтобы этим родственником был брат осужденного. Это, разумеется, **a far cry from the state having the right of capital punishment**. Таким образом, Бытие 9 к современным условиям неприменимо.⁴³

Теперь обратимся к Римлянам 13. Противники смертной казни полагают, что данную главу нельзя рассматривать ни как предписание, ни как основание для применения смертной казни. Ключевая фраза – «ибо он не напрасно носит меч» (стих 4). Что это: указание на то, что меч находится в руках государства, или же разрешение на применение смертной казни? Противники наказания смертью это отрицают. По их мнению, «меч», безусловно, олицетворяет право государства наказывать преступников, но не означает, что это обязательно должно быть наказанием смертью. Во времена Римской империи большинство преступлений смертью не каралось, однако меч при этом оставался символом права Рима наказывать тех, кто преступил закон.⁴⁴ Кроме того, орудием казни в Риме был не меч; приговоренных к смерти распинали на кресте.⁴⁵

И последнее. В Римлянам 13 обсуждается вопрос о том, должны ли христиане придерживаться государственного порядка об уплате податей и оброков (стихи 6-7). Павел утверждает, что государство вправе как наказывать преступников, так и обеспечивать общественный порядок. Христианам надлежит подчиняться государству, в том числе и в вопросе об уплате податей. Уплата податей (налогов), конечно, не имеет отношения к смертной казни. Следовательно, упоминание о «мече» в данном контексте не может подразумевать требования смертной казни; оно лишь подчеркивает власть правительства (государства) над гражданами.⁴⁶ Более того, Павел не говорит о том, как должен использоваться меч в реализации государственной власти.

АРГУМЕНТЫ В ПОДДЕРЖКУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Герменевтические доводы

Ответы на вопросы герменевтического плана, которые ставят мыслители (например, Йодер), зависят от понимания респондентом характера отношения ветхозаветного закона к условиям нашей эры. Так, сторонники мнения о преимущественной преемственности между Ветхим и Новым Заветами, на вопросы, связанные с Бытие 9, могут ответить, что теологически обосновано только установление о смертной казни. Согласно данному отрывку, требование смерти для убийцы обусловлено тем, что он лишил жизни человека, сотворенного по образу Божьему. И пока человек является носителем Его образа, рассматриваемое предписание

⁴¹ перевести

⁴² перевести

⁴³ перевести

⁴⁴ перевести

⁴⁵ перевести

⁴⁶ перевести

остаётся в силе. Что касается иных повелений, содержащихся в Бытие 9, то подобного богословского обоснования в их связи не предлагается. Более того, в Новом Завете ни Иисус, ни апостолы не подтверждают их сохраняющейся актуальности. Повторно упоминается лишь установление о смертной казни. Даже приверженцы подхода, постулирующего значительную преемственность между Ветхим Заветом и новозаветным законом, могут рассматривать отдельные ветхозаветные предписания как неприложимые (при отсутствии их повторного изложения) к условиям современности в силу изменившейся культурной и исторической обстановки.

Те, кто, подобно нам, придерживается мнения об отсутствии последовательного перехода ветхозаветных законов в Новый Завет, отвечают на возражения иначе. Ни повеления в Бытие 9, ни предписания закона Моисеева относительно преступлений, караемых смертью, *сами по себе* в закон Христов не входят. Безусловно, любые установления, повторно формулируемые как часть закона Христова, сохраняют свою актуальность сегодня. И если эти установления четко прописываются в законе Христовом, обращение к соответствующим частям Ветхого завета вполне приемлемо. Мы полагаем, что Римлянам 13 утверждает требование смертной казни, следовательно, оно входит в закон Христов. Тем не менее, объяснения, почему Бог считает эту меру справедливым наказанием за убийство, здесь не дано. В связи с этим уместно обращение к девятой главе Бытия, где такое объяснение представлено. Другие же повеления, формулируемые в Бытие 9, нигде в Новом Завете не повторяются и, следовательно, к современным условиям не применимы. То же самое справедливо и в отношении ветхозаветных законов о других преступлениях, за которые возможно наказание смертью.

Смертная казнь и закон Христов

Распространено мнение о том, что учение Христа об отношении к врагам исключает возможность применения смертной казни. Например, в Матфея 5:38-45 Господь заповедует нам любить своих врагов. Мы должны не требовать око за око, а в ответ на удар по одной щеке подставить другую. Таким образом, закон Христов предписывает любить, а не казнить врагов.

В ответ необходимо указать на следующее. Выше в пятой главе Евангелия от Матфея (стихи 21-22) Иисус все-таки обращается к теме убийства. Он говорит о том, что не только убивающий, но и всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду. Иисус не говорит о совершении суда посредством смертной казни, однако, намерение Христа ее упразднить, возможно, сопровождалось бы соответствующим высказыванием. В существующей же формулировке данный отрывок свидетельствует о том, что вопросы убийства и проявления гнева имеют для Христа серьезное значение и что тех, кто нарушает эти заповеди и не желает покаяться, ждет вечное наказание. Итак, несмотря на то, что рассматриваемое место не содержит открытого разрешения на применение смертной казни, запрет на нее здесь также не выражен. Это говорит о том, что против нераскаявшихся убийц Бог применит карающее правосудие.

В качестве контраргумента можно услышать, что смертную казнь исключает данное христианам в Матфея 5:38ff (*и далее*) предписание обратить в ответ на удар другую щеку, любить своих врагов и молиться за них. Напротив, упомянутые (и другие наиболее часто цитируемые – например, 1 Петра 3:8-11) места говорят об участии христианина в межличностных отношениях. Здесь ничего не сказано о том, как на нарушителей законов страны должно реагировать государство. Если признать, что упомянутые стихи относятся к уголовному судопроизводству, то, по логике, следовало бы упразднить любые наказания за любые преступления. Это, несомненно, означало бы распад организованного общества и отрицание библейского учения о том, что власти установлены Богом для поощрения делающих доброе и наказания делающих злое (Римлянам 13:1-4). И, наконец, по поводу Матфея 5:38 и далее. Следует заметить, что, будучи частью Нагорной Проповеди, эти стихи

обращены к христианам и являются наставлением о должном отношении к окружающим, а не предписанием для человечества в целом, предназначенным для включения в действующий в обществе уголовный кодекс.

Смертная казнь и милосердие

Истории Каина, Моисея и Давида – это исключительные случаи проявления милости *Богом*. Существует множество ветхозаветных примеров, когда на совершенное человеком преступление Бог ответил не милостью, а наказанием; таким образом, упомянутые случаи нельзя считать нормой и рассматривать их как отменяющие предписание, данное в Бытие 9. Более того, милостивое отношение к названным библейским героям было проявлением воли *Бога*, а не государства. При отсутствии иных повелений, государство должно следовать общему правилу о совершении правосудия, воздающего должное.

Случай женщины, взятой в прелюбодеянии (Иоанна 8), сложнее и достоин более развернутого комментария. Книжники и фарисеи искушали Христа в вопросах закона. Они привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии. Закон Моисеев предписывал очевидцам совершенного прелюбодеяния побить преступника камнями. В ответ (стих 7) Иисус предложил тому, кто без греха, первым бросить в прелюбодейку камень. После того, как все разошлись, Иисус сказал женщине: «и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грехи». Противники смертной казни заявляют, что это то самое место, где Иисус говорит о наказании смертью, но не требует его. Он простил женщину.⁴⁷ По утверждению Джона Йодера, Христос сосредоточил внимание на двух моментах: моральном праве судьи и исполнителя наказания («Кто из вас без греха, первый брось на нее камень») и Своим праве простить грех и освободить женщину, уличенную в совершении гражданского правонарушения.⁴⁸

Прежде всего, заметим, что выводить некий общий принцип из одного единственного примера всегда рискованно. Индуктивные обобщения, основанные на маленькой выборке случаев, всегда вызывают сомнения.⁴⁹ Более того, в Иоанна 8 Иисус не дает никаких *предписаний* в отношении смертной казни вообще или даже (как мы увидим) в отношении конкретных случаев, подобных тому, что был Ему представлен. Отсюда, не вполне понятно, каким образом данный отрывок может служить нормативной основой для понимания библейского учения о смертной казни.

Помимо сказанного, не мешало бы посмотреть, действительно ли в рассматриваемой ситуации Иисус отменил ветхозаветное учение о смертной казни. Тщательный анализ текста показывает, что действия Иисуса строго соответствовали закону. Иисус поставил под сомнение нравственную пригодность обвинителей (стих 7). Противники смертной казни утверждают, что фраза «без греха» (*anamartētos*) означает, что ни один грешник не имеет права судить или казнить другого человека. Но признание этого означает конец всякого уголовного судопроизводства, так как совершенно безгрешных людей не существует. Тогда Иоанна 8, бесспорно, противоречила бы учению Павла в Римлянам 13:4 о функции государства по наказанию преступников. Следовательно, целесообразнее понимать *anamartētos* в его основном значении «без порока» и связывать обращение Христа к собравшимся исключительно с данным конкретным случаем. Иисус призвал обвинителей женщины первыми бросить в нее камень, если в данном случае они сами были безупречны.⁵⁰

А разве в обсуждаемой ситуации книжники и фарисеи были безупречны? Совершили ли они прелюбодеяние? Речь здесь идет отнюдь не о прелюбодеянии. Своим обращением Иисус поставил под вопрос соответствие свидетелей рассматриваемого преступления требованиям, предъявляемым к ним в законе Моисеевом. По закону человек мог быть

⁴⁷ перевести

⁴⁸ перевести

⁴⁹ перевести

⁵⁰ перевести

признан виновным только на основании соответствующих показаний двух или трех очевидцев (Второзаконие 17:6-7). За лжесвидетельство предусматривалась та же мера наказания, что была назначена обвиняемому (Второзаконие 19:16-19). Закон требовал привлечения к суду и казни обоих людей, уличенных в прелюбодеянии (Второзаконие 22:22-24), однако в данной ситуации перед нами одна только женщина. И, наконец, в законе содержалось требование чистоты мотивов свидетелей (Исход 23:1-8).⁵¹ Несмотря на то, что первое требование (об очевидцах) было соблюдено, другие, в том числе и то, что касается чистоты мотивов свидетелей, удовлетворены не были. Иисус знал, что эти люди привели к нему женщину не из стремления обеспечить соблюдение ветхозаветного закона. Таким образом, Своим обращением «кто без греха» Иисус, вероятнее всего, вопрошал о требуемой Законом чистоте мотивов и в этом смысле о «безупречности» свидетелей. Никто не знает почему, но все обвинители почувствовали себя не вправе выступать в роли свидетелей (непригодными для участия в совершении суда) и разошлись. Заметьте, однако, что Иисус так и не сказал, что преступница не заслуживает наказания смертью. Напротив, всем, кто мог по праву считаться свидетелем, судьей или палачом (исполнителем приговора), Иисус предложил первыми бросить в нее камень. Но таковых не нашлось, и все разошлись. Вместе с тем, слова Иисуса строго соответствовали порядку, предусмотренному в подобных случаях в законе Моисеевом.

Несмотря на приведенные рассуждения, некоторые скажут, что Иисус простил женщину и это главное. Однако в тексте говорится о другом. Как объясняет Стивен Джеймс (Stephen James), греческое слово «осуждать» представляет собой юридический термин, который следует понимать в контексте данного диалога на тему закона. Книжники и фарисеи не имели права осуждать женщину по причине нечистоты своих мотивов, и, следовательно, с точки зрения закона (формально), обвинительный приговор был невозможен. Иисус не мог осудить ее, поскольку это было бы грубым нарушением ветхозаветного порядка обвинения. Очевидцем преступления Он не был, да и по закону свидетельства одного очевидца было не достаточно.⁵² Как Сын Божий Иисус имел абсолютное знание о том, виновна ли эта женщина, но, учитывая ветхозаветный порядок судопроизводства, Он был не вправе ее осуждать или казнить. Более того, Его увещание «Иди и впредь не греши» - это не только прекрасный совет, но и прямое соблюдение соответствующих требований закона. Тем не менее, оно ни в коей мере не свидетельствует ни о прощении Иисусом женщины, ни о ее раскаянии в содеянном.

Данное обсуждение приводит нас к выводу о том, что Иоанна 8 не содержит некоего нового учения о смертной казни, имеющего общий характер. Более того, что касается конкретно вопроса о прелюбодеянии, то названный текст демонстрирует строгое соблюдение Иисусом закона Моисеева, по которому в то время еще жил Израиль. И, наконец, при правильном понимании, обсуждаемый случай – это даже не пример проявления милости; это образец неукоснительного соблюдения предписаний закона Моисеева.

Ветхозаветный порядок вынесения смертного приговора

Этот вопрос не требует пространных рассуждений, каков бы ни был взгляд на применимость закона Моисеева к условиям современности. Ветхозаветные предписания ни в коем случае не могут отменить смертную казнь как морально несправедливую. Этот аспект в них даже не рассматривается. Максимум, что данные правила могли бы обеспечить законодательно, - это внесение изменений в судопроизводство при рассмотрении преступлений, за которые возможна смертная казнь. Применение ветхозаветных норм привело бы, вероятнее всего, к сокращению числа обвинительных приговоров, но не полной отмене смертной казни. Эти

⁵¹ перевести

⁵² перевести

нормы, в конечном счете, не отражают характера смертной казни как таковой в смысле ее моральной справедливости, допустимости или, более того, обязательности.

Ключевые библейские тексты

По нашему мнению, моральная оценка смертной казни, в конечном итоге, определяется пониманием ряда ключевых библейских текстов. Первый из них – Бытие 9:5-6. Несмотря на убеждение в недейственности предписаний ветхозаветного закона в условиях современности, мы считаем обращение к указанному тексту уместным. Его нельзя исключить из рассмотрения при формировании правильного понимания вопроса, поскольку то же самое предписание содержится в законе Христовом.

Мы полагаем, что названный отрывок дает правомочия на применение смертной казни, но, несмотря на это, считаем необходимым исследовать ряд вопросов. Например, носит ли фраза «того кровь прольется рукою человека» (стих 6) характер предписания или предсказания? Другими словами, что это: требование Богом наказания смертью или изложение Им предстоящего порядка наказания преступника за совершенное злодеяние?⁵³ Языковой анализ однозначного ответа не дает, поскольку рассматриваемая фраза допускает двойное толкование. Тем не менее, ряд моментов позволяет предположить, что она выражает предписание. Согласно последним словам стиха 5 («взыщу также душу человека от руки человека»), Бог потребует воздаяния за убийство человека. Тогда кажется вполне естественным, что в стихе 6 содержится повеление казнить убийцу, основанное на требовании стиха 5. Во-вторых, последняя фраза шестого стиха объясняет причину обязательного соблюдения условия, изложенного в стихе 5. Она показывает, почему наказание смертью не является произвольными и носит обязательный характер. Если стих 6 – это всего лишь предсказание того, что ждет убийц в перспективе, тогда зачем необходимо дополнительное пояснение в конце шестого стиха? Данное пояснение содержит обоснование *предписания* о наказании смертью лиц, совершивших убийство, и ни коим образом не связано с предсказанием. И, наконец, даже если сомнения в предписывающем характере обсуждаемого отрывка все равно остаются, более поздние предписания Пятикнижия (ср. Числа 35:16-21) устанавливают смерть убийцы от руки мстителя (за кровь).

Во-вторых, указывается на то, ключевая тема рассматриваемого отрывка Писания - воздаяние от руки члена семьи (называемого «братом»). Никакого предписания государству о наказании здесь не содержится. Однако следует помнить о контексте девятой главы Бытия. В живых оставались только восемь человек, состоящих в кровном родстве (Ной и его семья). Следовательно, язык использован корректно, и речь в данном случае идет об обществе в целом. Более того, ветхозаветное представление о родстве не ограничивает данную категорию исключительно ближайшими родственниками (ср. Второзаконие 15:2; 19:15-21, и особенно Левит 25). Таким образом, предписание в Бытие 9 относится собственно ко всему обществу.

Еще одно распространенное возражение, связанное с Бытие 9, состоит в том, что данный запрет носит слишком общий характер. Он, очевидно, распространяется на все случаи убийства, но применяться так не может. Пятикнижие предписывает построение городов-убежищ для тех, кто совершил убийство непредумышленно. Более того, даже за умышленное убийство наказание смертью следует не всегда (ср. Каин, Моисей и Давид).

В ответ достаточно сказать, что исключения из общего правила не отменяют самого правила. Они лишь ограничивают область его действия. Бытие 9 дает общее правило. Города-убежища устанавливают ограничение на один, а не все виды убийства. Мы уже высказывались по поводу случаев Каина, Давида и Моисея. Общего правила они не отменяют.

⁵³ перевести

Следующий ключевой текст – Римлянам 13:1-7. Стих 1 учит, что любые власти, даже нечестные (плохие), от Бога установлены, и всякая душа должна быть им покорна (стих 1). Всякий, противящийся власти, в конечном счете, противится Божью установлению (стих 2). Важное значение имеют стихи 3-4. Павел утверждает, что начальствующих, как слуг Божьих, Бог наделил правом поощрять тех, кто делает доброе, и наказывать делающих злое. В стихе 4 говорится, что начальник – есть слуга Божий, отмститель в наказание делающему злое. Толкователи (текстов Писания) сходятся во мнении, что меч (стих 4) – это символ данного властям права совершать карающее (воздаятельное) правосудие.

Несмотря на это, Смедз (Smedes) считает, что рассматриваемый отрывок не обязательно содержит учение о смертной казни. Он согласен, что меч символизирует право государства наказывать преступников, однако в тексте нигде не поясняется, как этот меч следует использовать. Им можно казнить, но не только. Таким образом, данный текст не содержит ни предписания, ни даже разрешения на применение смертной казни.⁵⁴

Мы ценим предостерегающие замечания Смедза, но по ряду причин считаем, что Римлянам 13 санкционирует применение смертной казни. Безусловно, в Римлянам 13 выражена мысль об общем праве властей наказывать преступников, и в случае преступлений, не влекущих за собой возможного наказания смертью, Павел вряд ли использует образ меча как символ смертной казни. Вместе с тем, Смедз полагает, что меч не следует рассматривать как символ смертной казни даже тогда, когда речь идет о преступлениях, за которые по закону эта мера наказания может или должна быть назначена. Вопреки этому, авторы комментариев единодушны в том, что меч несет в себе символическое значение смерти. Если меч является простым указанием на власть начальствующих, то данное понятие можно было бы выразить и иными символами. Почему меч? Более того, Павел утверждает, что власти установлены Богом наказывать делающих злое. Если это воздаятельное (карающее) *правосудие*, наказание должно соответствовать совершенному преступлению. Что, исходя из наших знаний о Павле, апостол, вероятнее всего, счел бы справедливым воздаянием за убийство? Разве он, Еврей от евреев, по учению фарисей, не опирался бы на закон Моисеев и девятую главу Бытия? Если это так, то кажется вполне очевидным, на что должен был указывать используемый им символ меча, по крайней мере, применительно к преступлениям, заслуживающим наказания смертью. И, наконец, в Римской империи, где жил Павел, практиковалась смертная казнь. Признавая, что казнили через распятие на кресте, но, учитывая формулировку четвертого стиха, логичнее сказать, что Божий слуга «не напрасно носит меч», чем «не напрасно носит крест». Таким образом, исторический контекст времен Павла подсказывает наиболее правдоподобное понимание символического значения «меча». Мы приходим к выводу, что Римлянам 13 (и Бытие 9) не только допускают, но и предписывают применение смертной казни.

АРГУМЕНТЫ В ПОДДЕРЖКУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Многое из предшествующего обсуждения говорит в поддержку смертной казни, однако для создания соответствующей аргументационной базы представляется возможным выделить ряд основных положений. Для начала напомним, что правосудие является ключевым вопросом в теме смертной казни. Любая пенитенциарная и судебная система должна преследовать цель отправления правосудия. Это, разумеется, означает, что нарушение закона требует наказания. Более того, Писание наделяет власти правом наказывать преступников (Римлянам 13:1-7). Божье Слово предостерегает нас от мести, но, как отмечалось выше, эти слова относятся к межличностным отношениям, а не к случаям нарушения людьми закона Божьего или государственного. Из этого следует, и об этом тоже говорилось, что понятия воздаяния (кары) и мести тождественными не являются.

⁵⁴ перевести

Во-вторых, человек свободен в своем нравственном поведении и, следовательно, несет ответственность за совершаемые им поступки. Независимо от понимания содержания термина «свобода», большинство богословов, философов, а также учение Священного Писания единодушно утверждают, что человек наделен свободой, т.е. свободен.⁵⁵ Это важный момент, поскольку общепринятый нравственный принцип гласит – никто не виновен в бездействии при отсутствии возможности действовать, и никто не виновен в совершении действия, которого нельзя было избежать. Проще говоря, никто не несет моральной ответственности за свои действия, если они носили вынужденный характер. Следовательно, если кто-либо совершает преступление по доброй воле, он несет за это моральную ответственность. Наказание нельзя считать несправедливым по причине вынужденного характера преступных действий данного человека.

В-третьих, для некоторых наказание в его карательной функции неприемлемо на том основании, что в Новом Завете Бог предстает перед нами как Бог любви, милости и прощения. Тем не менее, Бог карал за преступления как в Ветхом, так и в Новом Заветах. Кстати, иногда, как в случаях Анании и Сапфиры (Деяния 5) и Ирода (Деяния 12: 20-23), Бог в прямом смысле умерщвлял людей в наказание за преступления, которые, с нашей точки зрения, заслуживают менее строго приговора. Более того, если бы Бог не карал, никому бы не пришлось нести вечного наказания за отвержение Христа, что, безусловно, противоречит учению Библии (см., напр., Откровение 20:11-15).

Принятый аргументационный подход предполагает, что Бог использует наказание в его карательной функции и что государству также допустимо применять его по отношению к тем, кто добровольно преступает закон. По сути, учитывая преследуемую государством цель совершения правосудия, преступники должны наказываться в обязательном порядке. Разумеется, ничего из вышесказанного само по себе не требует применения смертной казни как некоего отдельного (особого) вида наказания за совершение убийства или какого-либо иного преступления. Утверждение смертной казни как надлежащего наказания за убийство требует обязательного обращения к библейскому учению, изложенному в Бытие 9:5-6 и Римлянам 13:1-7. Как говорилось выше, эти тексты не только допускают, но и требуют смертной казни для убийц.

Итак, в результате анализа как внебиблейских, так и библейских аргументов, а также принимая во внимание предложенный в данном разделе аргументационный подход, мы приходим к выводу о наличии убедительных (подлинных) доказательств в поддержку смертной казни как не только допустимого, но и обязательного наказания за совершение преднамеренного убийства. Бог по Своей воле всегда может проявить милость, однако человек на умение определить подобные случаи претендовать не может. Более того, нарушения, допускаемые при вынесении смертного приговора в рамках современной системы судопроизводства, говорят о необходимости пересмотра применения, а не полного упразднения этой меры наказания. Например, ошибки при вынесении приговора подчеркивают потребность в ужесточении порядка (процедуры) производства дел о преступлениях, за которое по закону может или должна быть назначена смертная казнь. Дискриминация малоимущих граждан и меньшинств свидетельствует о необходимости преобразования системы судебных органов с целью пресечения случаев подобных злоупотреблений. Вместе с тем, ничего из вышеперечисленного не снимает необходимости и не лишает основания практику применения смертной казни.⁵⁶

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ ЭТИКА

Можно ли выступать против аборт и эвтаназии, одновременно поддерживать практику применения смертной казни и при этом оставаться последовательным? Мы полагаем, что можно, и это мнение основано на трех положениях: 1) этике, постулирующей святую

⁵⁵ перевести

⁵⁶ перевести

неприкосновенность жизни; 2) требования справедливого отношения ко всем людям; и 3) приверженности нон-консеквенциализму. Первое положение утверждает священность жизни и необходимость ее защиты и охраны. Это делает неприемлемыми практику аборт и эвтаназию. Предание смерти лиц, совершивших убийство, подчеркивает священность жизни и тяжесть такого рода преступления. Что касается справедливости, то ни еще не родившиеся младенцы, ни пожилые, ни больные люди ничем не заслуживают смерти, чего нельзя сказать о человеке, осужденном за убийство. Правосудие требует воздержания от практики абортов и эвтаназии и применения смертной казни для убийц. И, наконец, в соответствии с поддерживаемым нами нон-консеквенциалистским подходом, Бог предписывает защищать невинных и наказывать тех, кто лишил жизни другого человека. Соблюдение этих божественных повелений требует отказа от выполнения абортов и применения эвтаназии и наряду с этим положительного отношения к практике смертной казни.⁵⁷

В заключении обсуждения вопроса о последовательности следует отметить, что последовательным можно оставаться и в случае поддержки абортов и эвтаназии и одновременно возражения против смертной казни. Сохранение последовательности обеспечивается минимум двумя позициями: 1) этикой, основанной на понятии качества жизни и 2) приверженностью утилитаризму. Этика «качества жизни» лишает внутриутробно развивающихся, пожилых и больных статуса полноценного человека и, следовательно, допускает их потерю (умерщвление), осужденные же за убийство преступники считаются в полной мере людьми, обладающими правом на жизнь. Подобным образом, как отмечалось в предыдущих главах, этика утилитаризма также позволяет признать обоснованными аборт и эвтаназию и при этом исключить возможность применения смертной казни.

В итоге получается, что по трем данным вопросам жизни и смерти можно придерживаться любого из обозначенных сочетаний взглядов и при этом оставаться последовательным. А раз так, то ни один такой подход нельзя отвергнуть по причине противоречивости взглядов его сторонника. Решение относительно того, какого сочетания позиций следует придерживаться, в конечном итоге, определяется степенью обоснованности каждой из соответствующих точек зрения. Мы приходим к выводу, что наилучшие (наиболее убедительные) библейские и небиблейские аргументы говорят в поддержку смертной казни и против абортов и эвтаназии.

⁵⁷ перевести